

18+

Нацумэ Сосэки

**ПРИДОРΟЖНАЯ
ТРАВА**

Роман

Нацумэ Сосэки

Придорожная трава. Роман

«Издательские решения»

Сосэки Н.

Придорожная трава. Роман / Н. Сосэки — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686566-2

Писатель создаёт тонкую и многогранную структуру, где настоящее постоянно прошивается вспышками памяти. Детские сцены, выписанные с поразительной яркостью и одновременно с лёгкой дымкой отчуждения, раскрывают истоки характера Кэндзо: его отчуждённость, неспособность к искренней близости, скрытую надменность и глубоко укоренённое одиночество. И, наконец, нарциссизм.

ISBN 978-5-00-686566-2

© Сосэки Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от переводчика	6
I	8
II	10
III	12
IV	14
V	16
VI	18
VII	20
VIII	21
IX	23
X	24
XI	26
XII	28
XIII	30
XIV	32
XV	34
XVI	36
XVII	38
XVIII	40
XIX	42
XX	43
XXI	45
XXII	46
XXIII	48
XXIV	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Придорожная трава Роман

Нацумэ Сосэки

Переводчик Павел Соколов

© Нацумэ Сосэки, 2025

© Павел Соколов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0068-6566-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от переводчика

«Придорожная трава» (1915) – последний законченный роман Нацумэ Сосэки (1867—1916), великого мастера, стоявшего у истоков современной японской литературы. Это второй роман в финальной трилогии классика. Она включает: «Сердце» («Кокоро» в новом переводе) – «Придорожная трава» – «Свет и тьма» (не закончен).

Во всех трех книгах Нацумэ Сосэки обращается к клиническому исследованию внутреннего мира «маленького человека», затерянного в водовороте стремительно модернизирующейся Японии начала XX века.

В центре романа – Кэндзо, интеллигент, поглощённый научной работой, преподаванием и собственными эгоистическими желаниями. Его жизнь, подчинённая жёсткому ритму труда и долга, внешне упорядочена, но внутренне разорвана. Неожиданная встреча на улице с Симадой – мужчиной, в чьей семье он воспитывался в детстве, – становится тем спусковым крючком, который выводит на поверхность давно похороненные воспоминания, чувство вины, обиды и экзистенциальной тревоги. Симада, «мужчина без шляпы», становится навязчивым напоминанием о прошлом, которое Кэндзо отчаянно пытается отрицать, но которое неумолимо властно над ним. Нацумэ Сосэки сам в детстве некоторое время воспитывался в приемной семье, поэтому многие исследователи видят в главном герое черты самого автора.

Мастер создаёт тонкую и многогранную структуру, где настоящее постоянно прошивается вспышками памяти. Детские сцены, выписанные с поразительной яркостью и одновременно с лёгкой дымкой отчуждения, раскрывают истоки характера Кэндзо: его отчуждённость, неспособность к искренней близости, скрытую надменность и глубоко укоренённое одиночество. И, наконец, нарциссизм.

Приёмные родители, Симада и Оцунэ, предстают не как одномерные злодеи, а как сложные, во многом несчастные люди, чья «доброта» была отравлена собственничеством, расчётом и эмоциональным вампиризмом. Их любовь к приёмному сыну была сделкой, в которой ребёнок чувствовал себя вещью, а не личностью, что и породило в нём устойчивое отвращение ко всяким попыткам эмоционального сближения.

Этот личный конфликт проецируется на все сферы жизни Кэндзо. Его брак – это поле молчаливой войны, где невысказанные упрёки и взаимное непонимание создают непроницаемую стену между супругами. Его отношения с родственниками – сестрой, страдающей астмой и поглощённой бытом, и братом, мелким чиновником, исчерпавшим все жизненные силы, – полны жалости, раздражения и чувства долга, который тяготит больше, чем согревает. Вся эта галерея персонажей, включая делового посредника Ёсиду и легкомысленного Хиду, рисует картину мира, где человеческие связи хрупки, эгоистичны и неизбежно несут в себе разочарование.

Название романа – «Придорожная трава» (в ином варианте можно перевести как «Сорняки») – является ключевой метафорой. Жизнь, по Сосэки, подобна траве у дороги: она безымянна, нецельна, её постоянно топчут ноги прохожих – обстоятельств, долга, случайных встреч. Кэндзо осознаёт себя именно такой «придорожной травой»: его индивидуальность размыта, его «я» соткано из обрывков чужой воли, старых обид и навязанных ролей. Он – продукт своего прошлого, которое он не в силах ни принять, ни отвергнуть окончательно.

Стиль романа – это образец психологического реализма Сосэки. Повествование течёт медленно, почти статично, углубляясь в мельчайшие детали мыслей и ощущений героя. Автор мастерски использует прямую речь, стирая границы между голосами персонажей и внутренним монологом Кэндзо, что позволяет читателю в полной мере ощутить трагедию его сознания. Ирония, столь яркая в ранних произведениях Сосэки, здесь сменяется горьким, усталым самоанализом.

«Придорожная трава» – это роман не о событиях, а о состоянии души. Это глубокое размышление о памяти как о проклятии, о долге как о ловушке, о невозможности искупления и о мучительном поиске собственного «я» в мире, где личность оказывается заложником истории, семьи и собственных, не до конца понятых, травм. Это бескомпромиссное и пронзительное произведение, которое по праву считается одной из вершин не только творчества Нацумэ Сосэки, но и всей японской литературы XX века.

Павел Соколов

I

Сколько же лет прошло с тех пор, как Кэндзо, уехав из Токио, вернулся из далёких краёв и обосновался на задворках Комагомэ? Среди всей новизны ощущений от прикосновения к земле родного края он чувствовал и некую тоску.

От него всё ещё исходил запах далёкой страны, которую он недавно покинул. Он ненавидел этот запах. Даже думал, что должен как можно скорее стряхнуть его с себя. И при этом он не замечал скрывавшейся в этом запахе его собственной гордости и удовлетворения.

Свойственной людям в таком состоянии духа неусидчивой походкой он по два раза в день, словно по расписанию, ходил по дороге от Сэндаги до Оивакэ.

Однажды моросил мелкий дождь. В тот раз он, не надев ни пальто, ни дождевика, а лишь взяв зонт, как обычно, в положенный час отправился пешком в сторону Хонго. И тогда, чуть дальше дома извозчика, неожиданно столкнулся с одним человеком. Тот, видимо, поднялся по дороге у задних ворот святилища Нэдзу и шёл навстречу, с севера, и, когда Кэндзо рассеянно взглянул вперёд, тот уже попал в его поле зрения метров за двадцать. И невольно Кэндзо отвел глаза.

Он сделал вид, что не узнал его, и попытался пройти мимо. Но ему нужно было ещё разок хорошенько рассмотреть лицо этого мужчины. И когда между ними осталось каких-то четыре метра, то снова направил взгляд в его сторону. Данный субъект уже пристально вглядывался в его фигуру.

На улице было тихо. Между ними лишь непрерывно падали тонкие нити дождя, так что никаких трудностей с тем, чтобы разглядеть лица друг друга, не было. Кэндзо тут же отвел глаза и снова, глядя прямо перед собой, зашагал дальше. Однако его визави так и остался стоять на краю дороги, не проявляя ни малейшего желания сдвинуться с места, и провожал его взглядом, пока тот проходил мимо. Кэндзо лишь заметил, как лицо того мужчины поворачивалось, следуя за его шагами.

Сколько же лет они не виделись? Их пути разошлись, когда Кэндзо было лет двадцать, не больше. С тех пор минуло пятнадцать-шестнадцать лет, и за всё это время они ни разу не встречались.

Его положение и обстоятельства жизни с тех пор сильно изменились. Если сравнить его нынешний облик – с чёрной бородой и в котелке – с его прежним обликом, с бритой головой, то даже у него самого могло возникнуть чувство, будто прошла целая вечность. Однако, как ни крути, тот субъект почти не изменился. Он в душе удивился: как же так, тому мужчине, по всем подсчётам, должно было быть шестьдесят пять – шестьдесят шесть, отчего же его волосы до сих пор были чёрными, как прежде? И даже такая характерная черта, как привычка выходить на улицу без шляпы, которую тот сохранил и по сей день, стала для Кэндзо причиной возникновения странного чувства.

Разумеется, он вовсе не желал пересекаться с этим человеком. И если уж встречаться, то он хотел, чтобы тот был одет хоть немного лучше его самого. Однако тот, кого он увидел сейчас воочию, никак, с чьей бы то ни было точки зрения, не мог считаться состоятельным. Оставить вопрос ношения шляпы на его усмотрение – это одно, но если судить по его хаори или кимоно, то его можно было принять разве что за пожилого горожанина из семьи, ведущей образ жизни не выше среднего класса. Он заметил даже, что раскрытый западный зонт того мужчины был, по-видимому, из тяжёлого муарового шёлка.

В тот день, даже вернувшись домой, он никак не мог забыть о мужчине, встреченном по дороге. Его преследовал взгляд того человека, который временами останавливался на краю дороги и пристально провожал его. Однако жене он ничего не сказал. У него была привычка в плохом настроении не рассказывать супруге о том, о чём очень хотелось бы поведать. Жена же

была той, кто в ответ на молчание мужа, кроме как по необходимости, никогда не заговаривала первая.

II

На следующий день Кэндзо снова прошёл тем же путём в то же время. И на следующий день тоже прошёл. Однако мужчина без шляпы больше ниоткуда не появлялся. Он, как автомат, словно выполняя долг, ходил туда и обратно по своей обычной дороге.

После пяти дней такого затишья, утром шестого дня мужчина без шляпы внезапно снова возник из-за холма у святилища Нэдзу и словно подстерёг Кэндзо. Это произошло почти на том же месте, что и в прошлый раз, и время было почти то же самое.

В тот момент Кэндзо, сознавая, что тот приближается к нему, попытался, как обычно, идти, как автомат. Однако поведение мужчины было совершенно противоположным. Собрав всё внимание, способное взволновать кого угодно, в своих глазах, он пристально смотрел на него. В его мутных глазах ясно читалось желание приблизиться к нему при первой же возможности. В груди Кэндзо, безжалостно прошедшего мимо, возникло странное предчувствие.

«Вряд ли на этом всё и кончится».

Но и в тот день, вернувшись домой, он так и не рассказал жене о мужчине без шляпы.

Они с супругой поженились семь-восемь лет назад, и к тому времени его связи с тем мужчиной уже давно прекратились, к тому же, поскольку местом женитьбы был не его родной Токио, у жены не было возможности знать его лично. Однако, что касается слухов, то, возможно, та уже слышала о нём либо от самого Кэндзо, либо от его родственников. Во всяком случае, для супруга это не было проблемой.

Однако в связи с этим происшествием в его памяти всплыл один случай, имевший место уже после женитьбы. Лет пять-шесть назад, когда он ещё жил в провинции, однажды на его рабочем столе неожиданно оказалось толстое письмо, написанное женской рукой. Тогда он с удивлённым лицом принялся читать это послание. Но сколько ни читал – не мог дочитать до конца. Оно было исписано мелким почерком без промежутков на двадцати с лишним листах японской бумаги, и, пробежав глазами примерно пятую часть, он в конце концов передал его жене.

Тогда ему пришлось объяснять ей, какова была личность женщины, написавшей ему такое длинное письмо. А затем, в связи с этой женщиной, возникла необходимость упомянуть и того самого мужчину без шляпы. Кэндзо помнил себя в прошлом, принужденного к этому действию. Однако, будучи человеком, чьё настроение легко портилось, он забыл, насколько подробно тогда объяснил всё жене. Возможно, супруга, будучи женщиной, ещё хорошо помнила это, но сейчас у него не было ни малейшего желания снова расспрашивать её об этом. Он страшно не любил, когда эта женщина, написавшая длинное письмо, и этот мужчина без шляпы возникали в его мыслях вместе. Поскольку всё это вызывало из глубины памяти его несчастливое прошлое.

Благо, его нынешнее состояние не оставляло ему досуга для беспокойства о таких вещах. Возвращаясь домой и переодеваясь, он тут же удалялся в свой кабинет. Ему постоянно казалось, что на циновках этой тесной комнаты площадью в шесть татами горой навалено то, что ему предстоит сделать. Однако, по правде говоря, куда сильнее, чем самой работой, им владел стимул, что её необходимо делать. Естественно, он не мог не нервничать.

Когда Кэндзо распаковал в этой комнате ящики с книгами, привезёнными издалека, он устроился, скрестив ноги, среди гор иностранных томов и провёл так неделю, другую. И, беря в руки всё, что попадалось, подряд читал по две-три страницы. Из-за этого наведение порядка в кабинете, коему следовало бы уделить первостепенное внимание, нисколько не продвигалось. В конце концов, один друг, не в силах более видеть такое положение вещей, пришёл и, не обращая внимания ни на порядок, ни на количество, быстро расставил все имевшиеся книги

на полках. Многие, знавшие его, считали, что у него нервное истощение. Он же сам верил, что такова его природа.

III

Кэндзо и впрямь был завален работой изо дня в день. Даже вернувшись домой, у него почти не было времени, которым мог бы распорядиться по своему усмотрению. К тому же он хотел читать то, что хотел читать, писать о том, о чём хотел писать, и размышлять над проблемами, над которыми хотел размышлять. Потому его разум почти не ведал досуга. Он постоянно сидел, прилипнув к письменному столу.

Однажды друг предложил своему вечно занятому приятелю заняться уроками пения ёкёку, но тот наотрез отказался, а про себя удивлялся, откуда у других бывает столько свободного времени. И он совершенно не замечал, что его отношение ко времени весьма схоже с отношением скряги.

Естественным образом ему приходилось избегать общения. И избегать людей. Чем сложнее становилось его взаимодействие с печатными знаками, тем более одиноким должен был становиться он как личность. Порой Кэндзо смутно ощущал это одиночество. Однако, с другой стороны, был уверен, что в глубине души в нём теплится необычный огонёк. Потому, ступая по жизненному пути в направлении унылой пустоши, он считал, что так и должно быть. И никогда не думал, что идёт навстречу иссушению тёплой человеческой крови.

Родственники считали его чужаком. Однако для него это не было такой уж большой мукой.

– У нас разное образование, ничего не поделаешь.

В глубине души у него всегда был такой ответ.

– Всё же это похвальба.

Такова была неизменная трактовка жены.

К несчастью, Кэндзо не мог подняться над такими суждениями своей супруги. Каждый раз, слыша это, он делал недовольное лицо. Иногда от всей души злился на жену, что та его не понимала. Иногда кричал на неё. А иногда и вовсе обрывал её на полуслове. Тогда его вспышки гнева звучали для жены как слова того, кто лишь напускает на себя важность. Супруга лишь заменяла четыре иероглифа, означавших «петь себе дифирамбы», на четыре иероглифа, означавших «разводить демагогию».

У него были лишь одна единокровная сестра и один брат. Не имея других родственников, кроме этих двух семей, он, к несчастью, не поддерживал с ними близких отношений. Такое странное положение вещей, как отдаление от собственных сестры и брата, и для него самого не было слишком приятным. Однако собственное дело было для него важнее, чем общение с родственниками. К тому же воспоминание о том, что после возвращения в Токио он виделся с ними уже три или четыре раза, служило ему некоторым оправданием. Если бы мужчина без шляпы не преградил ему дорогу, Кэндзо, как обычно, по два раза в день, с регулярностью часового механизма, ходил бы по улицам Сэндаги и в ближайшее время ни за что не отправился бы в том направлении. А если бы за это время выдалось свободное воскресенье, то лишь развалился бы на циновках, раскинув измождённые усталостью конечности, и предался бы полуденному покою.

Однако когда настало следующее воскресенье, он вдруг вспомнил о мужчине, с которым дважды встретился на дороге. И внезапно, словно озарённый мыслью, отправился к дому сестры. Тот находился в переулке рядом с улицей Цуноморидзака в Ёцуя, в месте, лежавшем в сотне метров от главной улицы. Её муж приходился Кэндзо двоюродным братом, так что и сестра тоже была двоюродной. Однако по возрасту его родственники отличались друг от друга не более чем на год, и, с точки зрения Кэндзо, оба были старше его чуть ли не на целое поколение. Поскольку ранее её супруг служил в районном управлении Ёцуя, даже сейчас, после ухода оттуда, сестра, говоря, что не хочет покидать ставшее привычным место, несмотря

на неудобство расположения для его нынешней работы, всё ещё жила в старом, обветшалом доме.

IV

У сестры была астма. Она постоянно тяжело дышала, круглый год. И тем не менее, будучи от рождения крайне вспыльчивой, не могла сидеть спокойно, если только ей не было совсем плохо. Вечно она без устали кружила по тесному дому, придумывая себе какие-нибудь дела. Её неусидчивая, суетливая манера казалась Кэндзо весьма достойной сожаления.

К тому же сестра была весьма велеречивой женщиной. И в её манере говорить не было ни капли достоинства. Сидя с ней лицом к лицу, Кэндзо неизменно хмурился и умолкал.

«И это моя сестра, вот как».

После общения с ней в груди Кэндзо всегда возникали такие сетования.

В тот день Кэндзо, как обычно, застал эту сестру в фартуке, возившейся в шкафу.

– Ну надо же, нежданно-негаданно пожаловал. Садись, пожалуйста.

Сестра предложила Кэндзо подушку для сидения и вышла в коридор умыться руки.

Кэндзо в её отсутствие оглядел комнату. В раме над перегородкой висел потемневший от времени висячий свиток, который он помнил ещё с детства. Он вспомнил, как хозяин этого дома, когда ему было лет пятнадцать-шестнадцать, рассказывал, что имя Цуцуи Кэн, стоящее в подписи, принадлежит каллиграфу-самураю, и что тот был большим мастером. В те времена он называл того хозяина «братец» и постоянно ходил к нему в гости. И, несмотря на разницу в возрасте, как между дядей и племянником, они, бывало, боролись в гостевой комнате, и сестра на них сердилась, или забирались на крышу, срывали инжир и ели, а кожуру бросали в соседний двор, из-за чего потом приходилось разбираться с последствиями. Бывало, Кэндзо сильно обижался, когда хозяин, пообещав купить ему компас в футляре, обманывал мальчика и ничего не покупал. А однажды, поссорившись с сестрой, он решил ни за что не прощать её, даже если та придёт с извинениями, но, сколько ни ждал, та не шла извиняться, и ему пришлось, волоча ноги, отправиться самому, и, не зная, куда девать руки с ногами, молча стоял у входа, пока ему не сказали «заходи» – весьма комичная ситуация...

Глядя на старый свиток, Кэндзо направил прожектор своей памяти на себя в детстве. И ему стало неловко от того, что теперь он не мог питать особой симпатии к этой супружеской чете, столь помогшей ему в своё время.

– Как ваше здоровье в последнее время? Приступы не слишком сильные?

Он смотрел на сидевшую перед ним сестру и задал этот вопрос.

– Спасибо, слава Богу, погода хорошая, так что я пока как-то справляюсь с делами по дому, но... Всё же годы берут своё. Уж никак не могу работать так, как в старые времена. Когда Кэн-тян приходил ко мне в гости, я, бывало, подобрал подол, мыла даже заднюю часть котла, а сейчас, хоть убей, нет у меня такой энергии. Но, слава Богу, я вот так вот справляюсь, каждый день пью молоко...

Кэндзо не забывал ежемесячно выдавать сестре, хоть и небольшие, но деньги на карманные расходы.

– Кажется немного похудевшей.

– Да нет, это у меня от природы, ничего не поделаешь. Я ведь никогда не была полной. Всё же у меня слишком вспыльчивый характер. Из-за этого и растолстеть не могу.

Сестра закатала свои тонкие, без единого намёка на мускулы, руки и показала их Кэндзо. Тёмные, полукруглые, усталые тени лежали под её большими, глубоко посаженными глазами на дряблой, утомлённой коже. Кэндзо молча смотрел на её шершавые ладони.

– Но Кэн-тян стал таким солидным, вот это прекрасно. Когда ты уезжал за границу, я думала, уж не доведётся ли нам встретиться вновь в этой жизни, и вот ты вернулся цел и невредим. Если бы твой отец и мать были живы, как бы они обрадовались.

Глаза сестры наполнились слезами. В детстве Кэндзо она постоянно говорила:

– Когда-нибудь у сестры будут деньги, и я куплю тебе, Кэн-тян, всё, что захочешь.

А в другие моменты говорила:

– В такой глуши этот ребёнок никогда ничего не добьётся.

Кэндзо, вспоминая прежние слова сестры и её манеру говорить, горько усмехнулся про себя.

V

Даже пробуждая в памяти эти старые воспоминания, Кэндзо всё острее замечал, как сильно постарела его сестра, которую он не видел так долго.

– Кстати, сколько вам лет, сестра?

– Я уже старуха. Пятьдесят один, вот как, братец.

Сестра усмехнулась, обнажив редкие жёлтые зубы. Честно говоря, цифра пятьдесят один показалась Кэндзо неожиданной.

– Выходит, разница с моими годами – больше чем целое поколение. А я-то думал, что от силы лет десять-одиннадцать.

– Что ты, что ты, какое там поколение. Целых шестнадцать лет разницы между нами, Кэн-тян. Мой муж – год Овцы, третий год Дракона, а я – в год Змеи. Кэн-тян, ты, кажется, в год Свиньи?

– Не знаю, как там что, но мне в любом случае тридцать шесть.

– Проверь, посчитай, обязательно окажется год Свиньи.

Кэндзо даже не знал, как вообще высчитывают свой знак по году рождения. Разговор о возрасте на этом и закончился.

– А его сегодня нет дома? – спросил он о Хида.

– Со вчерашнего дня на дежурстве. Если бы только в свои, то в месяц выходило бы всего три-четыре раза, но ведь ещё и другие просят подменить. Да и если лишнюю ночь подработать, всё равно сколько-то да получишь, вот и берёшься за чужую работу. В последнее время получается, что ночует он там и приходит сюда почти поровну. А может, даже там чаще.

Кэндзо молча посмотрел на стол Хида, стоявший у сёдзи. Рядом с аккуратно и чинно стоящими письменным набором, папкой для бумаг и свитками для писем были поставлены две-три конторские книги с красными кожаными корешками, обращёнными в его сторону. Под ними лежали и маленькие счёты, начищенные до блеска.

По слухам, у Хида в последнее время была какая-то странная связь с женщиной, и поговаривали, будто он содержал её совсем рядом со своим местом работы. Кэндзо думал, что, возможно, именно поэтому тот не возвращался домой, ссылаясь на дежурства.

– А как Хида в последнее время? Сильно постарел, наверное, и стал серьезнее, чем раньше?

– Да что ты, всё такой же. Он ведь человек, рождённый только для собственных утех, ничего не поделаешь. То представления, то театр, то борьба сумо – только бы деньги были, так он целый год напролёт бегаёт по ним. Но странное дело, то ли от возраста, то ли ещё почему, но, по сравнению с прежними временами, вроде бы стал немного добрее. Раньше, как Кэн-тян знаешь, совсем с ним было трудно, уж очень он был крут. И пинал, и колотил, и за волосы таскал по всей комнате...

– Но зато и сестра не из тех, кто отступает.

– Да что ты, я разве хоть раз руку на него поднимала? Никогда такого не было.

Кэндзо, вспомнив вспыльчивую сестру в прошлом, невольно развеселился. Их потасовки отнюдь не ограничивались тем, что она, как сейчас признавалась, лишь оказывала сопротивление. В частности, в словах сестра была куда искуснее Хида, раз эдак в десять раз. И всё же ему стало как-то жаль эту неуступчивую женщину, которую муж дурачил, и которая, раз он не возвращался домой, твёрдо верила, что её супруг обязательно ночует на работе.

– Давно не виделись, может, я вас чем-нибудь угощу? – сказал он, глядя на лицо сестры.

– Спасибо. Ты как раз вовремя про суши заговорил, ничего, что не диковинка, но поешь, пожалуйста.

Сестра была из тех женщин, которые, едва завидев гостя, не взирая на время, непременно должны его чем-нибудь накормить. Кэндзо, ничего не поделавшись, уселся поудобнее и решил наконец приступить к разговору, ради которого и явился.

VI

В последнее время Кэндзо, возможно, оттого, что слишком напрягал голову, чувствовал себя неважно. Временами, как ему казалось, он вспоминал о необходимости двигаться, но в груди и в животе становилось только тяжелее. Он старался быть осторожным и, помимо трёхразового питания, по возможности ничего не брать в рот. Но даже это не могло противостоять настойчивости сестры.

– Но ведь суши-норимаки ведь не повредят здоровью. Сестра специально для Кэн-тяна заказала, чтобы угостить, так уж пожалуйста, съешь. Не хочешь?

Кэндзо, ничего не поделаешь, набил рот безвкусными норимаки и принялся жевать, работая ртом, пересохшим от табака.

Сестра была так разговорчива, что он всё не мог сказать того, что хотел. Хотя он пришёл с вопросом, который хотел давно задать, этот полностью пассивный диалог начинал его понемногу раздражать. Однако сестра, похоже, совершенно этого не замечала.

Любя не только угощать, но и одаривать других, она принялась упрашивать Кэндзо взять старую потемневшую картину с изображением Дармы, которую он похвалил в прошлый раз.

– Такая старая вещь, а держать её дома всё равно незачем, так что забирай с собой. Да и Хида она уж точно не нужна, какой-то грязный Дарма.

Кэндзо не сказал ни что возьмёт, ни что не возьмёт, а лишь горько усмехнулся. Тогда сестра вдруг понизила голос, словно собираясь поведать какую-то тайну.

– Честно говоря, Кэн-тян, я всё собиралась рассказать тебе, когда ты вернёшься, и вот молчала до сегодняшнего дня. Кэн-тян, наверное, только приехал и занят, да и если бы сестра пришла к тебе, раз у тебя есть жена, о таком было бы немного трудно говорить... Да и хоть бы письмо написала, но ты же знаешь, я неграмотна...

Предисловие сестры было и многословным, и комичным. Когда он думал, что эта женщина, которая в детстве, как ни учили её письму, всё плохо запоминала и в конце концов так и не смогла выучить даже самые простые иероглифы, дожила с этим до пятидесяти одного года, ему было и жаль свою сестру, и немного стыдно за неё.

– Итак, сестра, о чём же вы хотели рассказать? Честно говоря, я сегодня тоже пришёл кое о чём с вами поговорить.

– Вот как? Тогда бы сначала тебе нужно было высказаться. Почему же сразу не начал?

– Да потому, что не мог же так сразу.

– Не стоит так церемониться. Мы ведь брат с сестрой, родные люди.

Та совершенно не замечала очевидного факта, что её болтовня сама закрывала рот собеседнику.

– Давайте сначала разберёмся с вашим делом. Что вы хотели сказать?

– Честно говоря, Кэн-тян, мне очень неловко, хорошо это или плохо, но я тоже старею, здоровье слабеет, да и муж у меня такой, знаешь, ему бы только самому хорошо, а уж что там с женой стрясётся, ему и дела нет... Правда, доход в месяц мал, да и обещания никуда не денешь, так что, если сказать, что ничего не поделаешь, то так оно и есть...

Слова сестры, как и подобает женщине, были весьма витиеваты. Казалось, они с большим трудом приближаются к цели, но основной смысл Кэндзо понял хорошо. Он подумал, что, вероятно, она хотела попросить увеличить выдаваемые ей ежемесячно деньги на карманные расходы. Поскольку слышал, что даже те деньги, что он даёт сейчас, у неё часто переппадают мужу, эта просьба вызывала в нём и жалость, и досаду.

– Пожалуйста, подумай о том, чтобы помочь сестре. В конце концов, с моим здоровьем я всё равно долго не протяну.

Это были последние слова, вышедшие из уст сестры. Кэндзо всё же не смог сказать, что не хочет.

VII

У него была работа на завтра, которую нужно было обязательно закончить ещё сегодня вечером. Сидеть с этой сестрой, не признававшей никакой ценности времени, и до бесконечности слушать её болтовню было для него в некоторой степени мучительно. Он собрался было уходить, и, уже на пороге, наконец заговорил о мужчине без шляпы.

– Вообще-то, на днях я встретил Симаду.

– Да? Где?

Сестра вскрикнула, словно удивившись. Она была той, кто любила напускать на себя наигранно преувеличенное выражение лица, часто встречающееся у необразованных уроженков Токио.

– Рядом с полем Ота.

– Значит, совсем рядом с тобой. И что же, ты что-нибудь сказал ему?

– Сказал? Да особо нечего было и говорить.

– Верно. Если Кэн-тян сам ничего не скажешь, ему и говорить-то не с чего, да и не за что.

Слова сестры были полны желания угодить Кэндзо. Спросив его: «А во что он был одет?» – она добавила: «Значит, живёт небогато». В этом сквозило некоторое сочувствие. Однако, заговорив о его прошлом, она стала использовать весьма язвительные интонации.

– Какой же он упрямый, такого упрямец поискать! Говорит, сегодня последний срок, любой ценой забирает, и сколько ни оправдывайся, сидит себе и не шелохнётся. В конце концов, я тоже рассердилась и сказала: очень жаль, денег нет, но если подойдёт что-то из вещей, то забирайте хоть кастрюлю, хоть котёл. И он говорит: тогда возьму котёл. Ну не смех ли?

– Но ведь котёл, он тяжёлый, его и унести-то невозможно.

– Но уж если этот упрямец что задумал, то кто знает, на что он пойдёт, лишь бы унести. Он назло, чтобы я в тот день не смогла сварить рис, специально так поступил, вот какой он злой человек. В общем, ясно, что ничего хорошего от него в будущем ждать не приходится.

Для слуха Кэндзо этот рассказ прозвучал не просто как забавный. Его собственная тень, запутавшаяся в этих отношениях, возникших между тем человеком и сестрой, была для него скорее печальной, чем смешной.

– Я встречал Симаду дважды, сестра. И кто знает, сколько ещё раз встречу в будущем.

– Так ты просто делай вид, что не знаешь его. Сколько бы раз ни встретился, какая разница?

– Но я не знаю, то ли он специально ходит там, возле моего дома, и ищет, где живу, то ли у него есть дело, и мы сталкиваемся случайно по дороге.

И эта загадка была не по силам сестре. Она лишь бессмысленно сыпала словами, казавшимися ей подходящими для Кэндзо. Для него же они звучали как пустая лесть.

– А к вам он с тех пор совсем не приходил?

– А, последние два-три года – совсем нет.

– А до того?

– До того? Ну, не то чтобы часто, но всё же иногда заходил. И вот что забавно. Придёт – и всегда около одиннадцати часов. И ни за что не уйдёт, пока не накормишь его рисом с угрем или чем-нибудь таким... Выходит, в его планы входит поесть хоть разок за счёт других. И при этом одет он бывал довольно прилично...

Хотя слова сестры часто уходили в сторону, Кэндзо, слушая их, всё же понял, что они с Симадой и после его отъезда из Токио поддерживали какие-то отношения, и связаны они были с денежными вопросами. Но больше он ничего не смог узнать. О нынешнем положении Симады оставалось совершенно неизвестным.

VIII

– Симада до сих пор живёт на старом месте?

Даже на такой простой вопрос сестра не смогла ответить определённо. Кэндзо был немного разочарован. Однако, поскольку он и сам не стремился активно выяснить нынешнее местопребывание Симады, то не почувствовал сильного разочарования. Он верил, что в данной ситуации ещё нет необходимости прилагать серьезные усилия. Даже если и потратить их, думал Кэндзо, это лишь удовлетворит своего рода любопытство. К тому же сейчас он должен был презирать подобные чувства. Его время было слишком дорого, чтобы тратить его на такое.

Он лишь мысленным взором представил себе дом того человека, который видел в детстве, и его окрестности.

С одной стороны улицы там тянулся широкий большой ров длиной в целый тё (около 109 м). Вода в этом рве, никогда не сменявшаяся, была неприятно мутной от гнилого ила. Кое-где всплывала синеватая плёнка, и в нос ему ударял противный запах. Этот грязный уголок он запомнил под названием «владения господина Сама».

По ту сторону рва сплошной линией стояли традиционные японские длинные дома нагая. В них на каждое строение приходилось по одному квадратному тёмному окну. Эти длинные дома, построенные вплотную к каменной стене, тянулись без конца, так что внутренность владений была совершенно не видна.

С противоположной от них стороны стояли редкие одноэтажные домики. Этот ряд домов, где старые и новые были беспорядочно перемешаны, был, разумеется, неровным. Кое-где зияли пустоты, словно редкие зубы у старика. На одном из таких пустующих участков Симада и выстроил своё жилище.

Кэндзо не знал, когда оно было возведено. Но он впервые попал туда вскоре после новоселья. Это был тесный дом всего в четыре комнаты, но даже детским глазам было видно, что дерево для строительства и прочее, видимо, подбирали довольно тщательно. И в планировке была продуманность. Гостиная площадью в шесть татами выходила на восток, в тесный садик, усыпанный сосновыми иглами, там же был поставлен величественный каменный фонарь из гранита, даже слишком большой.

Чистюля Симада, подвернув полы, постоянно ходил с мокрой тряпкой, протирая ею галерею и столбы. Потом, босой, выходил в палисадник перед жилой комнатой, выходящей на юг, и полыл траву. Иногда он брал мотыгу и чистил грязную канаву у входа. Через ту канаву был перекинут деревянный мостик длиной примерно в четыре сяку (в одном сяку около 30,3 см).

Кроме этого жилища, Симада выстроил ещё один скромный дом для сдачи внаём. И проложил между двумя постройками дорожку шириной около трёх сяку, чтобы можно было пройти на задворки. Там была заболоченная местность, которую и по-прежнему назвать было трудно. Когда наступаешь на траву, сочится вода. В самом низком месте постоянно стояла неглубокая, словно озерцо, лужа. Симада, похоже, собирался со временем построить и там маленькие домики для сдачи. Но этот замысел так и не был осуществлён. Зимой, бывало, прилетали утки, и он говорил: «Вот попробую-ка я как-нибудь поймать одну»...

Кэндзо перебирал в памяти эти старые воспоминания одно за другим. Хотя он думал, что, если бы отправился туда сейчас, наверняка был бы поражён, как всё переменялось, но по-прежнему представлял себе картину двадцатилетней давности, словно это было сегодня.

– Может быть, муж до сих пор шлёт ему новогодние открытки.

Когда Кэндзо собрался уходить, сестра сказала это и предложила ему подождать в темноте, пока не вернётся Хида, но в этом не было особой необходимости.

В тот день он думал по пути зайти также в дом своего брата перед храмом Якуодзи в Итигая и расспросить о Симаде, но поскольку время было уже позднее, а также потому, что всё сильнее становилось чувство, что, даже спросив, ничего не поделаешь, он так и вернулся в домой. Вечером ему вновь пришлось быть поглощённым работой на завтра. И он совсем забыл о Симаде.

IX

Он снова вернулся к своей обычной жизни. Он мог отдавать своей профессии большую часть своей энергии. Его время текло спокойно. Однако в этой спокойной жизни постоянно присутствовало раздражение, которое не переставало мучить его. Жена, вынужденная наблюдать за ним со стороны, не могла ничего поделать с этим и сохраняла невозмутимый вид. Для Кэндзо это было не чем иным, как холодностью. Супруга же, в свою очередь, в душе предьявляла мужу те же упрёки. Её логика заключалась в том, что чем больше времени супруг проводит в своём кабинете, тем меньше должно быть общения между ними помимо деловых вопросов.

Она, естественно, оставляла Кэндзо одного в кабинете и занималась только детьми. Те тоже редко заходили в кабинет. Если уж появлялись, то обязательно шалили, и Кэндзо ругал их за это. Хотя он и повышал голос, но всё же испытывал некую неудовлетворённость оттого, что его отпрыски не приближались к нему.

Когда через неделю наступило воскресенье, он совсем не выходил из дома. Чтобы освежиться, около четырёх часов он сходил в баню, и, вернувшись, его вдруг охватило приятное, дремотное состояние, так что Кэндзо, растянув руки и ноги на циновке, невольно вздремнул. И до самого ужина, когда жена разбудила его, ничего не знал, словно человек с отрубленной головой. Однако, когда он встал и сел за поднос, ему почувствовалось, будто лёгкий озноб пробежал по спине сверху донизу. После этого грянуло два-три сильных приступа кашля. Сидевшая рядом жена молчала. Кэндзо тоже ничего не сказал, но, взяв палочки, осознавал в душе чувство досады к жене, столь бедной для него своим сочувствием. Супруга же, со своей стороны, напротив, с неудовольствием думала, почему муж не рассказывает ей обо всём без утайки и не позволяет ей вести себя как подобает жене, проявляя инициативу.

В тот вечер он явно почувствовал, что немного простудился. Хотел, поберечься, лечь пораньше, но начатая работа помешала ему, и Кэндзо не ложился до двенадцати с лишним. Когда он лёг в постель, все домашние уже спали. Кэндзо, желавший выпить горячего лечебного отвара из корня пуэрарии и пропотеть, вынужден был так и залезть под холодное одеяло. Он почувствовал необычный холод и с большим трудом заснул. Однако усталость мозга вскоре погрузила его в глубокий сон.

На следующее утро, когда проснулся, было на удивление спокойно. Он подумал, лёжа в постели, что простуда уже прошла. Однако, когда дело дошло до того, чтобы встать и умыться, обычное обтирание холодной водой показалось утомительным, так как всё тело было разбитым. Собравшись с духом, Кэндзо сел за стол, но завтрак был совсем невкусен. Обычно он, следуя правилу, съедал три чашки, но в тот день, ограничившись одной, положил маринованную сливу в горячий чай и, подув на него, выпил. Но смысл этого был непонятен даже ему самому. В это время жена тоже сидела рядом с Кэндзо и прислуживала ему, но ничего не говорила. Её поведение показалось ему нарочито холодным, и он немного рассердился. Нарочно два-три раза покашлял. Но супруга по-прежнему не обращала на это внимания.

Кэндзо быстро натянул на голову белую сорочку, переделся в европейский костюм и в положенный час вышел из дома. Жена, как обычно, провожала мужа с шляпой в руках до входа, но в тот момент он воспринял её лишь как женщину, ценящую одну лишь формальность, и ему стало ещё более противно.

На улице его постоянно знобило. Язык был тяжёлым и сухим, а всё тело чувствовало усталость, как у человека с температурой. Он пощупал свой пульс и удивился его учащённости. Звук, отчётливо ощущаемый кончиками пальцев, переплетался со звуком карманных часов, отсчитывающих секунды, и доносился до его слуха странным ритмом. И всё же он терпел и делал всю необходимую работу вне дома.

Х

Он вернулся домой в обычный час. Переодеваясь, жена, как всегда, стояла рядом с ним, держа его домашнюю одежду. Он повернулся к ней с недовольным лицом.

– Постели мне футон. Я буду спать.

– Хорошо.

Супруга послушно постелила футон. Он тут же забрался внутрь и лёг, не сказав жене ни слова о своей простуде. Та же, со своей стороны, не проявляла ни малейшего внимания к этому. Так что в душе у обоих царил недовольство.

Пока Кэндзо лежал с закрытыми глазами в полудрёме, супруга подошла к изголовью и окликнула его по имени.

– Вы будете кушать рис?

– Не хочу я никакого риса.

Жена ненадолго замолчала. Однако не торопилась уходить из комнаты.

– С вами что-то случилось?

Кэндзо ничего не ответил, наполовину уткнувшись лицом в край одеяла. Жена безмолвно осторожно приложила руку к его лбу.

К вечеру пришёл врач. Осмотрев больного, он сказал, что это, вероятно, обычная простуда, и оставил микстуру и лекарство для приёма по необходимости. Кыздо принял его из рук жены.

На следующий день температура поднялась ещё выше. Жена, следуя указанию врача, положила ему на голову резиновый пузырь со льдом и, пока служанка не купила никелированный прибор для его закрепления под одеялом, придерживала его рукой, чтобы тот не упал.

Состояние, словно одержимость бесом, продолжалось два-три дня. У Кэндзо почти не осталось воспоминаний об этом периоде. Придя в себя, он с невозмутимым лицом посмотрел на потолок. Потом взглянул на сидевшую у изголовья жену. И вдруг вспомнил, что был обязан ей своим уходом. Однако ничего не сказал и снова отвернулся. Потому в сердце супруги не отразилось ни единого чувства мужа.

– Что с вами?

– Врач сказал, что я простудился, разве нет?

– Это я понимаю.

На этом разговор прервался. Жена с недовольным лицом вышла из комнаты. Кэндзо хлопнул в ладоши и снова позвал её.

– Что, по-твоему, со мной?

– Что со мной, – ведь вы больны, и я же меняю пузырь со льдом, наливаю лекарство и так далее, не так ли? А вы то «убирайся», то «не мешай», это уж слишком...

Жена не договорила и опустила голову.

– Не помню, чтобы я такое говорил.

– Это вы говорили, когда была высокая температура, так что, наверное, не помните. Но если бы вы даже в обычное время так не думали, то, как бы вы ни болели, вряд ли стали бы говорить такое, я думаю.

В таких случаях Кэндзо был из тех мужчин, кто скорее стремился силой своего ума подавить её, нежели размышлял, какая же доля правды скрывается за словами супруги. Отстраняя фактическую сторону дела и оставаясь лишь в рамках логики, жена и на этот раз проигрывала. Ведь когда человек в бреду, под воздействием лекарств или видит сны, он необязательно говорит лишь то, что думает. Однако такая логика отнюдь не была достаточной, чтобы покорить сердце жены.

– Ладно. В конце концов, вы собираетесь обращаться со мной, как со служанкой. Думаете, лишь бы вам самим было хорошо, и больше ничего...

Кэндзо с досадой проводил взглядом удалявшуюся спину жены. Он совершенно не замечал, что прикрывается авторитетом логики. С точки зрения его ума, закалённого силой учёности, жена, не могущая от всего сердца покорно следовать этой ясной логике, была не чем иным, как бестолочью.

XI

В тот вечер жена, принеся кашу в глиняном горшочке, снова уселась у изголовья Кэндзо. Наливая её в чашку, она спросила: «Не приподниметесь ли?»

На его языке ещё был толстый слой налёта. Он почти не чувствовал желания класть что-либо в рот, тяжёлый и распухший. И всё же он почему-то приподнялся на постели и взял чашку из рук супруги. Однако шершавые крупинки риса, неприятные для языка, лишь царапающе скользили в горло, так что, вытерев рот после всего одной чашки, тут же снова лёг.

– Appetit ещё не вернулся.

– Совсем невкусно.

Жена достала из-за пояса визитную карточку.

– Этот человек приходил, пока вы лежали, но я отказала ему, сказав, что вы больны.

Кэндзо, лёжа, протянул руку, взял опечатанную на желтоватой бумаге визитку и прочёл имя, но это был человек, которого он никогда не встречал и о котором не слышал.

– Когда он приходил?

– Кажется, позавчера. Я хотела вам рассказать, но температура ещё не спала, так что я намеренно молчала.

– Совершенно незнакомый человек.

– Но он сказал, что пришёл повидаться с вами по делу Симады.

Жена, особо выделив фамилию «Симада», сказала это, глядя на лицо Кэндзо. Тогда в его голове тут же мелькнула тень встреченного недавно на дороге мужчины без шляпы. Очнувшись от жара, он до сих пор не имел ни малейшего повода вспомнить об этом мужчине.

– Откуда ты знаешь о Симаде?

– Разве вы не рассказывали мне, когда пришло то длинное письмо от женщины по имени Оцунэ?

Кэндзо ничего не ответил и снова взял лежавшую визитку, разглядывая её. Для него было неясно, насколько подробно он рассказывал ей тогда о Симаде.

– Это когда же было? Давно ведь, наверное.

Кэндзо, вспомнив свои чувства, когда показывал жене то длинное письмо, горько усмехнулся.

– Да. Уже лет семь, наверное. Это было ещё когда мы жили на улице Сэмбо-дори.

Улица Сэмбо-дори – так называлась улица на окраине одного города, где они жили в то время.

Спустя некоторое время жена сказала:

– Что касается Симады, то я знаю о нём и без ваших рассказов, слышала от вашего брата.

– И что же говорил брат?

– Что говорил?... В общем, что он не очень хороший человек, разве нет?

Жена, похоже, всё ещё хотела узнать, что Кэндзо думает о том мужчине. Он же, напротив, имел желание избегать этого. Молча закрыл глаза. Прежде чем встать с подносом, на котором стояли глиняный горшочек и чашка, жена сказала ещё раз:

– Кажется, тот человек, чьё имя на карточке, придёт снова. Он сказал, что зайдёт ещё раз, когда вы поправитесь.

Кэндзо, ничего не поделаешь, снова открыл глаза.

– Придёт, наверное. Если уж называет себя представителем Симады, то определённо придёт.

– Но вы примете его? Если явится.

По правде говоря, он не хотел встречаться с ним. Жена же и подавно не желала, чтобы муж имел отношения с этим странным человеком.

– Лучше бы вам не встречаться с ним.

– Можно и встретиться. Здесь нет ничего страшного.

Жене слова мужа показались очередным проявлением его самолюбия. Кэндзо же считал, что, хотя это и неприятно, но таков правильный путь, и ничего не поделаешь.

XII

Болезнь Кэндзо вскоре прошла. Когда снова настало время уткнуть глаза в печатные знаки, водить вечным пером или, скрестив руки, просто размышлять, человек, уже раз заставивший его побегать зря, внезапно снова появился у его входа.

Кэндзо взял знакомую визитку, отпечатанную на желтоватой бумаге, с именем Ёсида Торакити и какое-то время разглядывал её. Жена тихим голосом спросила: – Примете его?

– Приму, проводи в гостиную.

Жена с видом, выразившим желание отказать, немного помедлила. Однако, поняв настроение супруга, ничего не сказав, вышла из кабинета.

Ёсида был полным, дородным, представительным мужчиной лет сорока. На нём было полосатое хаори, а вокруг талии – вышедший к тому времени из моды белый пояс хэко из крепа с пристёгнутой блестящей цепочкой от часов. Судя по речи, он был настоящим эдоко. Однако его никак нельзя было принять за добропорядочного торговца. Вместо «конечно» он нарочно растягивал «каанешно», а вместо «совершенно верно» отвечал тоном, выразившим, казалось, полное одобрение, – «агага».

Кэндзо счёл необходимым для порядка встречи сначала расспросить Ёсиду о нём самом. Однако тот, будучи более красноречивым, ещё до расспросов сам изложил краткие сведения о себе.

Раньше он жил в Такасаки. И имел доступ в расположенный там гарнизон, куда поставлял фураж – таков был его бизнес.

– В связи с этим я постепенно стал оказывать услуги господам офицерам. Среди них особенно благоволил ко мне господин Сибано.

Услышав фамилию Сибано, Кэндзо вдруг вспомнил. Это была фамилия военного, за которого вышла замуж дочь Симеды от второго брака.

– Значит, вы знаете Симеду через это знакомство.

Некоторое время они поговорили об этом офицере по фамилии Сибано. То, что его сейчас нет в Такасаки, то, что прошло уже несколько лет с тех пор, как тот перевёлся ещё дальше, на запад, то, что он по-прежнему сильно пьёт и его семейный бюджет сильно сократился – всё это, без сомнения, было для Кэндзо новостью, но в то же время не представляло особого интереса. Не питая никаких неприятных чувств к этой чете, Кэндзо лишь спокойно слушал, думая: «Вот как». Однако, когда разговор перешёл к главному и, наконец, зашла речь о Симеде, он естественным образом почувствовал досаду.

Ёсида принялся настойчиво описывать бедственное положение этого старика.

– Он слишком добрый человек, потому его постоянно обманывают, и тот всё теряет. Он раздаёт деньги направо и налево, даже когда нет никакой надежды получить их обратно, и всё в таком духе.

– Он слишком добрый? А не потому ли, что слишком жаден?

Даже если бы старик и впрямь, как говорил Ёсида, бедствовал, у Кэндзо не было иного объяснения. Более того, само это «бедствие» было уже подозрительным. Даже Ёсида как главный представитель не стал настойчиво защищать эту точку зрения. Сказав: «Возможно, и так», – он затем замёл всё смехом. И, несмотря на это, тут же вслед за этим завёл разговор о том, нельзя ли как-нибудь выплачивать ему ежемесячно некую сумму.

Честный Кэндзо вынужден был раскрыть своё финансовое положение и рассказать об этом едва знакомому мужчине. Он принялся подробно объяснять, как тратится его ежемесячный доход в сто двадцать-тридцать иен, и пытался убедить собеседника, что в конце месяца ничего не остаётся. Ёсида, поочерёдно используя свои «каанешно» и «агага», почтительно слушал оправдания Кэндзо. Но насколько он ему верил и с какого момента начинал сомне-

ваться, этого хозяин дома не понимал. Лишь казалось, что другая сторона, во что бы то ни стало, делает главную ставку на тактику заискивания. Разумеется, не было и намёка на угрожающие слова или вымогательство.

XIII

Сочтя, что дело, с которым пришёл Ёсида, на этом можно считать законченным, Кэндзо в душе молча ожидал его ухода. Однако поведение того явно противоречило этим ожиданиям. Он не касался более денежного вопроса, но без конца вёл безобидные светские беседы и не собирался уходить. И естественным образом снова возвращал разговор к положению Симады.

– Как бы вам сказать? Старик уже в годах, и в последнее время он всё говорит такие вещи, что, кажется, ему очень тревожно, – нельзя ли как-нибудь возобновить прежние отношения?

Кэндзо на мгновение затруднился с ответом. Ничего не поделаешь, он молча уставился на стоявшую между ними пепельницу. В его голове чётко всплыл образ того старика с тяжёлым муаровым зонтом, сверлящего его странным взглядом. Он не мог забыть прошлое, когда был обязан ему заботой. В то же время он не мог сдержать чувства отвращения к нему, проистекавшего из отражения его личности. Застрявший меж двух огней, он на время лишился дара речи.

– Поскольку я уже утруждал вас своим приходом, я хотел бы попросить вас сделать для меня исключение и согласиться.

Манера Ёсиды становилась всё почтительнее. Как ни крути, Кэндзо ужасно не хотелось возобновлять отношения, но в то же время он не мог не признать, что отказ будет неблагодарностью. И решил, что, хоть ему и противно, должен последовать правильному пути.

– Если так, то пусть будет по-вашему. Передайте ему, что я согласен. Однако, даже если мы будем общаться, это никак не могут быть прежние отношения, так что прошу передать это без недопонимания. К тому же, при моём нынешнем положении, мне будет трудно навещать старика время от времени и утешать его...

– Значит, выходит, что разрешено лишь приходить к вам?

Кэндзо было тяжело слышать слово «приходить». Не в силах ни согласиться, ни отказаться, он снова замолчал.

– Нет-нет, ничего, это уже хорошо, – ведь обстоятельства теперь и тогда совершенно разные.

Сделав вид, что его миссия наконец-то выполнена, Ёсида, произнеся это, заткнул за пояс табачный набор, который держал до сих пор в руках, и быстро удалился.

Проводив его до входа, Кэндзо тут же вернулся в кабинет. Поскольку у него было желание поскорее закончить дневную работу, то сразу же сел за стол, но где-то в глубине души у него было беспокойство, и дела никак не шли так, как хотелось бы.

Тут заглянула жена. Дважды окликнула его: «Послушайте», но Кэндзо, сидя перед столом, даже не обернулся. После того как супруга молча удалилась, Кэндзо, хоть и без продвижения, продолжал работу до вечера.

Когда он, наконец, позже обычного сел за ужин, то впервые обменялся словами с женой.

– Кто этот мужчина, Ёсида, что приходил ранее? – спросила жена.

– Раньше он в Такасаки занимался какими-то поставками для армии, – ответил Кэндзо.

Вопросы и ответы, разумеется, не могли на этом исчерпаться. Она хотела, чтобы муж объяснил ей до полного понимания и отношения Ёсиды с Сибано, и его связи с Симадой.

– В конце концов, он просил денег или чего-то подобного, да?

– В общем, да.

– И что же вы, – вы, конечно, отказали?

– Угу, отказал. Потому что ничего другого не оставалось.

Оба мысленно представили финансовое положение своей семьи. Суммы, которые они тратили ежемесячно и которые должны были тратить, были для него вознаграждением

за весьма тяжкий труд и в то же время для жены, которая должна была на них сводить концы с концами, эти доходы отнюдь не были избыточными.

XIV

Кэндзо собрался было встать. Но у жены оставались ещё вопросы.

– И он спокойно ушёл, тот мужчина? Как-то странно.

– Но если ему отказали, ничего не поделаешь. Не до драки же ему было.

– Но ведь он придёт снова. Ушёл так смиренно.

– Пусть приходит, какая разница.

– Но это неприятно, надоедает, как муха.

Кэндзо догадался, что жена подслушала весь предыдущий разговор из соседней комнаты.

– Ты же подслушивала, всё до последнего слова.

Жена не подтвердила слов мужа, но и не стала отрицать.

– Ну и что же, разве не хорошо?

Произнеся это, Кэндзо снова собрался идти в кабинет. Он был своевольным человеком. Но верил, что с самого начала не было необходимости объяснять жене что-то дальше. Супруга тоже была той, кто признавала права мужа в этом отношении. Однако, признавая права супруга внешне, в душе она всегда была недовольна. Поведение мужа, проявлявшего свой авторитет в каждом деле, отнюдь не было для неё приятным. Постоянно в глубине души у неё возникало чувство: почему он не может быть немного попроще? И при этом она совершенно не замечала того факта, что сама не обладает в достаточной мере ни дарованием, ни умением расположить мужа к откровенности.

– Кажется, вы согласились, что можно поддерживать отношения с Симадой?

– Ага.

Кэндзо сделал вид, будто не понимает, к чему та клонит. Для жены было обычным делом замолкать, дойдя до этого места. По её натуре, когда муж ведёт себя подобным образом, у неё внезапно пропадает всякое желание, и дальше она не может сделать ни шагу вперёд. Эта нелюбезность, в свою очередь, отражалась на характере супруга, склоняя его к ещё большей властности.

– Раз это не касается тебя или твоей семьи, какое тебе дело, если я решил сам?

– Мне-то до этого действительно нет дела. Даже если бы я и хотела, чтобы вы считались со мной, вы всё равно не стали бы...

Для уха учёного Кэндзо слова жены были совершенно не к месту. И эта неуместность казалась ему не чем иным, как доказательством её глупости. В душе у него шевельнулось: «Опять началось». Однако супруга тут же вернулась к сути вопроса и высказала нечто, что должно было привлечь его внимание.

– Но это же будет неправильно по отношению к вашему отцу. Если вы теперь станете общаться с тем человеком.

– К отцу? К моему отцу?

– Разумеется, к вашему отцу.

– Но мой отец давно умер, разве нет?

– Но разве не говорили, что перед смертью он сказал, чтобы вы порвали с Симадой и более не имели с ним никаких отношений?

Кэндзо хорошо помнил ту сцену, когда его отец поссорился с Симадой и разорвал с ним отношения. Однако у него не было особо тёплых воспоминаний, полных привязанности к собственному отцу. Более того, он не помнил, чтобы ему было сказано что-либо столь строгое о разрыве отношений.

– Кто тебе такое сказал? Не помню, чтобы я рассказывал.

– Не вы. Я слышала от вашего брата.

Ответ жены не показался Кэндзо ни странным, ни удивительным. В то же время ни воля отца, ни слова брата не оказывали на него особого влияния.

– Отец – это отец, брат – это брат, а я – это я, ничего не поделаешь. С моей точки зрения, нет достаточных оснований для отказа от общения.

Сказав это твёрдо, Кэндзо осознал в душе тот факт, что ему ужасно не хочется этого общения. Однако это его внутреннее состояние вовсе не отразилось в сердце жены. Она лишь думала, что её супруг снова по своему обычному упрямству действует наперекор мнению других.

XV

Кэндзо в прошлом ходил гулять, ведомый за руку тем человеком. Тот сшил для Кэндзо маленький европейский костюм. Поскольку дело было в старые времена, когда даже взрослые мало были знакомы с западной одеждой, портной совершенно не заботился о фасоне для ребёнка. На его пиджаке в районе талии были пришиты пуговицы, а грудь оставалась открытой. Костюм был жёстким и грубым на ощупь. В особенности брюки, те были из светло-коричневого вельвета с рубчиками, какие носили разве что берейторы. Однако в то время он, гордый, ходил в них, ведомый за руку.

Его шляпа тоже была в новинку для него в те времена. Фетровая, формой напоминавшая неглубокое дно кастрюли, она надевалась прямо на его бритую голову, словно капюшон, и доставляла ему огромное удовольствие. Как-то раз, ведомый за руку тем человеком, он пошёл смотреть фокусы в балаганчик, и фокусник взял у него шляпу, просунул палец насквозь с изнанки тульи дорогого чёрного раша и показал всем, и он, удивляясь и беспокоясь, несколько раз погладил вернувшуюся к нему шляпу.

Тот человек купил ему также нескольких золотых рыбок с длинными хвостами. Военские картины, парчовые цветные картинки нисики-э, картины на двух или трёх соединённых листах – он покупал ему всё, что тот просил. У него даже были доспехи, подходящие ему по размеру, – латы, сплетённые из алых шёлковых шнуров, и шлем с головой дракона. Раз в день он облачался в эти доспехи и размахивал сделанным из позолоченной бумаги командирским жезлом.

У него был также короткий, подходящий для ребёнка, меч. Украшение на его рукояти было сделано в виде резной фигурки мыши, тащившей красный стручковый перец. Он дорожил этой серебряной мышью и этим коралловым перцем как своими сокровищами. Ему часто хотелось вытащить этот меч из ножен. И он много раз пытался это сделать. Но меч никак не поддавался. Это украшение феодальной эпохи также попало в руки маленького Кэндзо по доброй воле того человека.

Он часто брал его с собой кататься на лодке. Там всегда был лодочник в соломенной набедренной накидке, закидывавший сеть. Вид саргана или кефали, подплывавших к самой кромке воды и выпрыгивавших, казался его детским глазам серебристым сиянием. Лодочник иногда уходил на вёслах на милую-другую в море и ловил даже каких-то морских птиц. В таких случаях накатывали высокие волны, раскачивая лодку, и у него сразу же тяжелела голова. И часто он засыпал прямо в лодке. Больше всего ему нравилось, когда в сети попадалась рыба фугу. Он стучал палочками из кедра по брюху фугу, как по барабану, и радовался, глядя, как оно раздувается, словно от злости.

После встречи с Ёсидой в груди Кэндзо вдруг стали одно за другим всплывать эти детские воспоминания. Все они, несмотря на свою отрывочность, отражались в его сознании ярко и отчётливо. И, хотя они были отрывочны, все они неизменно были связаны с тем человеком. Когда ему казалось, что, сколько ни собирай эти разрозненные факты, зёрна воспоминаний неисчерпаемы, и когда он обнаруживал, что в каждом из этих неисчерпаемых зёрен неизменно вплетён образ мужчины без шляпы, то страдал.

«Почему же, хотя я так хорошо помню эти сцены, я не могу вспомнить свои чувства в то время?»

Это стало для Кэндзо большим вопросом. В самом деле, он совершенно забыл свои детские чувства к человеку, который так о нём заботился.

«Но ведь невозможно забыть такое, возможно, с самого начала у меня не было должной благодарности к нему».

Кэндзо думал и так. Более того, он склонялся к тому, что, вероятно, это так и есть.

Он не рассказал жене о своих детских воспоминаниях, вызванных этим происшествием. Хотя он думал, что, поскольку женщины чувствительны, это, возможно, смягчило бы её неприятие, он не сделал этого.

XVI

Ожидаемый день вскоре настал. Ёсида и Симада однажды днём явились вместе к входу в дом Кэндзо.

Последний не знал, какими словами и как следует обращаться к этому человеку из прошлого. У него совершенно отсутствовал естественный импульс, который без раздумий подсказал бы ему, как поступить. Сидя лицом к лицу с тем, кого не видел более двадцати лет, он не испытывал особой ностальгии и, напротив, лишь обменивался холодными фразами.

Симада имел репутацию высокомерного субъекта. Даже один только этот факт заставлял брата и сестру Кэндзо ненавидеть его. На самом деле, и сам Кэндзо в душе опасался этого. Нынешний он оценивал себя как слишком вознесшегося, чтобы быть задетым в своём самолюбии даже просто словами такого человека.

Однако Симада оказался куда более почтительным, чем ожидалось. Казалось, он намеренно старался не пренебрегать вниманием к окончаниям слов, используя уважительные частицы, какими обычно пользуются при первом знакомстве. Кэндзо вспомнил своё детство, когда тот человек называл его Кэмбо. Всплыли в памяти и те времена, уже после разрыва отношений, когда при встречах тот неизменно обращался к нему «Кэмбо», и это ему было неприятно.

«Но, пожалуй, с таким тоном всё в порядке».

Кэндзо изо всех сил старался не показывать им своего недовольства. Похоже, и они намеревались уйти по-хорошему, не сказав ничего, что могло бы расстроить Кэндзо. Из-за этого даже разговоры о прошлом, которые естественно должны были стать темой между ними, почти не возникали. Потому беседа то и дело прерывалась.

Кэндзо вдруг вспомнил о происшествии в то дождливое утро.

– На днях я встретил вас на дороге дважды. Вы часто проходите там?

– Вообще-то, старшая дочь Такахаси живёт совсем рядом, вот и всё.

Кэндзо совершенно не понимал, о ком идёт речь.

– А...

– Да вы же знаете. Та, из Сибы.

Кэндзо смутно припоминал, что слышал в детстве, будто родственники второй жены Симады живут в Сибэ, и что в том доме, кажется, был либо синтоистский священник, либо буддийский монах. Однако он встречался с тем родственником, неким Ёсана, который был примерно его возраста, всего два-три раза и совершенно не помнил, чтобы видел кого-либо ещё.

– Если речь о Сибэ, то, кажется, это то место, куда вышла замуж сестра госпожи Офудзи?

– Нет, это старшая сестра. Не младшая.

– А...

– Ёдзо умер, но остальные сёстры все хорошо устроились, вот счастье. Старшая, наверное, вы знаете, – вышла за...

Имя... действительно было знакомо Кэндзо. Но тот человек умер уже довольно давно.

– После него остались лишь женщины и дети, и им трудно, так что по разным поводам меня зовут «дядюшка, дядюшка» и ценят. К тому же, в последнее время мне нужно присматривать за ремонтом в доме, так что я прохожу здесь почти каждый день.

Кэндзо невольно вспомнил, как этот человек водил его в книжную лавку у пруда и покупал ему прописи. Он, никогда не покупавший ничего, не сбив цены хотя бы на один-два сэна, и тогда, присев у прилавка, упрямо не двигался с места, требуя сдачи всего в пять рин. Для Кэндзо, стоявшего рядом с образцом каллиграфии Дун Цичана в руках, такое поведение было крайне неприятным и неловким.

«Плотники и каменщики, которых контролирует такой человек, наверняка злятся».

Думая так, Кэндзо взглянул на лицо Симады и горько усмехнулся. Однако Симада, похоже, совершенно этого не заметил.

XVII

– Но, слава Богу, он оставил после себя книги, так что даже после его смерти родственники кое-как справляются и живут.

Симада произнес это таким тоном, словно каждый на свете обязан знать книги, написанные... Но, к несчастью, Кэндзо не знал названия его трудов. Он предполагал, что это был словарь или учебник, но не испытывал желания спрашивать.

– Книги – это действительно замечательно: напишешь одну, и она продаётся вечно.

Кэндзо молчал. Ничего не поделаешь, Ёсида вступил в разговор и стал говорить что-то вроде того, что для заработка нет ничего лучше книг.

– Похороны прошли, – но после его смерти остались только женщины, так что я договорился с издателем. И установил, чтобы они платили определённую сумму ежегодно.

– Да уж, это серьёзно. Конечно, когда занимаешься учёбой, требуются и средства, и кажется, что это убыточно, но, в конце концов, оказывается, что это выгодное вложение, так что неучам с этим не тягаться.

– В итоге это прибыльно.

Их разговор не вызывал у Кэндзо никакого интереса. Более того, он всё больше уходил в странное русло, где было трудно даже поддакивать. Не зная, куда девать руки, он, ничего не поделаешь, поглядывал то на лица собеседников, то во двор.

Тот двор тоже был неприглядным и запущенным. Кроме одной сосны с тёмно-зелёной хвоей, густо росшей у забора и, казалось, задышавшейся, – никто и не помнил, когда её последний раз подстригали, – других деревьев почти не было. Земля, не знавшая метлы, была неровной, усыпанной мелкими камешками.

– А вы, господин, не хотите ли тоже подзаработать?

Ёсида внезапно повернулся к Кэндзо. Тому ничего не оставалось, как горько усмехнуться. Ничего не поделаешь, он поддакнул:

– Да, хотелось бы подзаработать.

– Да нет проблем. Если съездите за границу.

Это были слова старика. И они прозвучали так, словно это он сам оплатил обучение Кэндзо и отправил его за границу, и тому стало неприятно. Однако старик, похоже, совершенно не замечал этого. Он сохранял невозмутимый вид, хотя Кэндзо явно был смущён. Наконец Ёсида, заткнув за пояс свой табачный набор, предложил: «Ну что ж, на сегодня, пожалуй, прощаемся?» – и тот, похоже, наконец собрался уходить.

Проводив их и ненадолго вернувшись в комнату, Кэндзо снова уселся на подушку для сидения, скрестил руки и задумался.

– Зачем они вообще приходили? Это то же самое, что прийти, чтобы досадить человеку. Неужели им это приятно?

Перед ним лежали принесённые Симадой гостинцы. Он рассеянно смотрел на простую коробку со сладостями.

Жена, молча принявшаяся убирать чашки и пепельницу, наконец остановилась перед ним.

– Вы всё ещё сидите здесь?

– Нет, уже можно вставать.

Кэндзо тут же собрался подняться.

– А эти люди явятся снова?

– Может, и придут.

Сказав это, он снова удалился в кабинет. Донесся звук подметания комнаты метлой. Когда это закончилось, послышались детские голоса, спорящие из-за коробки со сладостями.

Когда наконец всё стихло, с сумеречного неба снова пошёл дождь. Кэндзо вспомнил о пальто овершот, которое всё собирался купить, но так и не приобрел.

XVIII

Дождливые дни продолжались несколько суток. Когда наконец погода прояснилась, землю озарил свет. Жена, ежедневно томившаяся скукой и занимавшаяся лишь шитьём, вышла на веранду и подняла глаза к этому синему небу. Затем вдруг открыла ящик комода.

Когда она, переодевшись, заглянула к мужу, Кэндзо, подперев щёку рукой, рассеянно смотрел на грязный двор.

– О чём вы думаете?

Кэндзо слегка обернулся и взглянул на выходную одежду своей супруги. В тот миг его утомлённые глаза неожиданно обнаружили нечто новое в собственной жене.

– Ты куда-то идёшь?

– Да.

Ответ супруги был для него слишком краток. Он снова вернулся к своему унылому одиночеству.

– А дети?

– Детей тоже возьму. Если оставить их, они будут шуметь и надоедать вам.

То воскресное послеобеденное время Кэндзо провёл в тишине и одиночестве.

Жена вернулась уже после того, как он поужинал и удалился в кабинет, так что прошёл час-другой после того, как зажгли свет.

– Я дома.

Её нелюбезность – она не сказала ни «извините за опоздание», ни чего-либо подобного, – ему не понравилась. Он лишь слегка обернулся и не промолвил ни слова. Это, в свою очередь, стало причиной, бросившей тень на сердце жены. Та тоже молча вышла и направилась в столовую.

С этого момента возможность поговорить между ними прервалась. Они не были той близкой супружеской парой, у которой при виде друг друга естественным образом возникало желание о чём-то побеседовать. Да и для проявления такой близости они были друг для друга слишком банальны.

Спустя два-три дня супруга за обедом наконец завела разговор о том своём выходе.

– На днях я заходила домой и встретила дядюшку из Модзи. Я так удивилась. Думала, он ещё на Формозе, а он, оказывается, уже вернулся.

Дядюшка из Модзи был известен в их семье как ненадёжный человек. Когда Кэндзо ещё жил в провинции, тот вдруг приехал на поезде и, сказав, что у него срочно возникли неотложные дела, попросил одолжить ему немного денег. Кэндзо снял небольшую сумму со своего счета в местном банке и дал ему, а тот потом прислал по почте расписку с наклеенной маркой. В ней даже была приписка: «Что касается процентов...», и Кэндзо даже подумал, что он чересчур щепетилен, но одолженные деньги так и не вернулись.

– И чем же он сейчас занимается?

– Понятия не имею. Он сказал, что создаёт какую-то компанию и непременно хочет заручиться вашим согласием, и что скоро собирается навестить вас.

Кэндзо не было нужды расспрашивать дальше. Ещё когда тот занимал у него деньги, этот дядя уже строил какую-то компанию, и Кэндзо принял это за правду. Отец жены тоже не сомневался в этом. Дядя умело уговорил того отца и увлёк его в Модзи. И показал ему дом, который сконструировал совершенно чужой человек, не имеющий к ним никакого отношения, сказав, что это и есть здание для компании. Именно таким способом он выманил у отца жены несколько тысяч капитала.

Кэндзо не хотелось знать об этом человеке больше ничего. И жене не хотелось говорить. Однако, как обычно, разговор на этом не прервался.

– В тот день была такая хорошая погода, что я зашла и к вашему брату, давно не была.

– Вот как.

Родной дом жены был в Даймати, Коисикава, а дом брата Кэндзо – перед храмом Якуодзи в Итигая, так что визит жены не был большим крюком.

XIX

– Когда я рассказала вашему брату, что приходил Симада, тот очень удивился. Сказал, что тому нет никакого резона заявляться теперь. И что Кэндзо зря связывается с таким типом.

На лице жены отразилось некоторое желание укорить супруга.

– Так ты специально зашла в Итигая, чтобы рассказать ему это?

– Опять вы говорите такие колкости. Почему вы всегда так плохо истолковываете поступки других? Мне было совестно, что я так давно не навещала их, вот я просто зашла на обратном пути.

То, что жена изредка навещала дом его брата, куда он сам почти не ходил, было, в сущности, поддержанием отношений вместо мужа, так что даже Кэндзо не мог жаловаться на это.

– Ваш брат беспокоится о вас. Он говорит, что, если вы будете общаться с таким человеком, нельзя ручаться, что не возникнет каких-нибудь неприятностей.

– Неприятностей? Каких именно?

– Ну, пока не случится, и ваш брат, конечно, не может знать, но он, наверное, думает, что ничего хорошего не выйдет.

Кэндзо тоже не думал, что выйдет что-то путное.

– Но это неблагодарно с моей стороны.

– Но раз вы дали деньги и порвали отношения, разве может быть речь о неблагодарности?

Деньги за разрыв были переданы Симаде из рук отца Кэндзо под видом платы за воспитание. Это было, кажется, весной, когда Кэндзо было двадцать два.

– Более того, ещё за четырнадцать-пятнадцать лет до того, как дали эти деньги, вы уже вернулись в свой дом, не так ли?

Сколько лет, от скольки и до скольки, он вообще воспитывался Симадой, и сам Кэндзо толком не знал.

– Говорят, с трёх до семи. Так сказал ваш брат.

– Неужели?

Кэндзо оглянулся на своё прошлое, исчезнувшее, как сон. В его голове возникало множество картин, словно видимых сквозь очки. Но ни на одной из этих картин не было даты.

– Говорят, в документе это чётко записано, так что, наверное, нет ошибки.

Он никогда не видел документов, касающихся его исключения из семьи.

– Не может быть, чтобы вы не видели. Вы просто забыли.

– Но даже если я и вернулся домой в восемь лет, до восстановления в семье я всё же некоторое время общался с ним, так что ничего не поделаешь. Нельзя сказать, что связи полностью прервались.

Жена замолчала. Почему-то Кэндзо стало грустно.

– Мне и самому, честно говоря, неприятно.

– Тогда лучше бы прекратить. Бессмысленно, право, вам теперь связываться с этим человеком. Что вообще у него на уме?

– Этого я совершенно не понимаю. Думаю, и ему, наверное, неловко.

– Брат говорит, что он, несомненно, пришёл снова за деньгами, и что вам нужно быть настороже.

– Но я с самого начала отказал в деньгах, так что ничего.

– Но кто знает, что он ещё придумает в будущем.

В сердце жены с самого начала было это предчувствие. В сознании Кэндзо, всегда полагавшегося на логику и верившего, что он уже пресёк все поползновения, вновь зародилась лёгкая тревога.

XX

Эта тревога в некоторой степени преследовала его в трудах. Однако работа была достаточно напряженной, чтобы похоронить где-то тень этой тревоги. И прежде чем Симада снова появился у входа Кэндзо, месяц быстро подошёл к концу.

Жена предстала перед ним с грязной от карандашных записей бухгалтерской книгой.

Для Кэндзо, обычно отдававшего супруге все заработанные им вне дома деньги, это было неожиданно. До сих пор у него не было случая, чтобы в конце месяца жена предъявляла ему ведомость расходов.

– Ну, как-нибудь справляется.

Он всегда так думал. И когда ему самому были нужны деньги, он без стеснения просил у жены. Только стоимость книг, покупаемых им ежемесячно, составляла немалую сумму. И всё же супруга сохраняла невозмутимый вид. Не сведущий в домоводстве, он порой подозревал её даже в расточительности.

– Ты должна вести счета за каждый месяц как следует и показывать мне.

Жена сделала недовольное лицо. Сама она считала, что нет более добросовестной хозяйки, чем она.

– Хорошо.

На этом её ответ и закончился. И даже с наступлением конца месяца бухгалтерская книга так и не попадала в руки Кэндзо. Тот же, когда был в хорошем настроении, молчаливо с этим мирился. Однако в плохом настроении он упрямо и нарочно требовал показать. Но, даже когда это происходило, всё было так запутано, что он ничего не мог понять. Даже если и понимал, слушая объяснения жены, глядя на страницы книги, то сколько же рыбы они съедали в месяц, или сколько требовалось риса, и был ли он слишком дорог или слишком дешёв, – этого и вовсе не мог прикинуть.

На этот раз он тоже взял книгу из рук жены и лишь бегло просмотрел её.

– Что-то случилось?

– Если вы не поможете...

Жена подробно объяснила мужу своё нынешнее материальное положение.

– Странно. И как же ты умудрялась справляться до сих пор?

– Честно говоря, каждый месяц не хватает.

Кэндзо тоже не думал, что может быть излишек. Он помнил, как в конце прошлого месяца несколько старых друзей собирались куда-то поехать на экскурсию и прислали ему открытку с приглашением, но он отказался от участия лишь потому, что у него не было двух иен на взнос.

– Но, кажется, можно бы сводить концы с концами.

– Хватит или не хватит, но с таким доходом ничего не поделаешь.

С досадой жена рассказала, как заложила своё платье и пояс, хранившиеся в ящике комода.

В прошлом он часто видел, как его сестра и брат заворачивали свою праздничную одежду в платок и украдкой выносили, а потом вносили обратно. Их поведение, обычно полное старания, чтобы другие не узнали, выглядело словно у преступников, скрывающихся от солнца, и оставило в его детской душе грустное впечатление. Эта ассоциация заставляла его чувствовать себя сейчас особенно одиноким.

– Когда закладывала, ты сама ходила в ломбард?

Кэндзо сам никогда не проходил под вывеской ломбарда, и думал, что она, ещё менее знакомая с бедностью, чем он, вряд ли могла запросто заявляться в такое место.

– Нет, я попросила.

– Кого?

– Старушку из дома Яmano. У них есть постоянный ломбард с книгой учёта, это удобно.

Кэндзо не стал спрашивать дальше. Тот факт, что супруга вынуждена закладывать вещи, привезённые из её дома, чтобы сводить концы с концами, поскольку муж не обеспечил её даже приличным платьем, был, несомненно, позором для него.

XXI

Кэндзо решил поработать немного больше. Усилия, проистекавшие из этого решения, вскоре превратились в несколько банкнот ежемесячно, попадавших в руки жены.

Он вынимал свои новые заработки из внутреннего кармана пиджака и бросал на циновку, даже не вынимая из конверта. Молча подняв его, жена, взглянув на обратную сторону, сразу понимала происхождение этих денег. Таким образом, недостаток семейного бюджета восполнялся без лишних слов.

В тот момент супруга не выглядела особо веселой и довольной. Но она думала, что могла бы обрадоваться, если бы муж передал их ей с ласковыми словами. Кэндзо же думал, что и сам смог бы произнести подобные ласковые слова, если бы жена приняла их с радостью. Таким образом, эти деньги, добытые для удовлетворения материальных потребностей, скорее потерпели неудачу как средство удовлетворения духовных потребностей, существовавших между ними.

Чтобы восполнить ту неудовлетворённость, жена спустя два-три дня показала Кэндзо отрез ткани на одно кимоно.

– Я хочу сшить вам кимоно. Как насчёт этого?

Лицо жены сияло безмятежно. Однако Кэндзо это показалось притворством. Он почувствовал неискренность. И нарочно не поддавался её любезности. Жена, похолодев, поднялась и ушла. После того как та покинула комнату, он размышлял, почему оказался в таком психологическом состоянии, что вынужден был заставить свою супругу похолодеть, и это вызывало в нём всё большее неудовольствие.

Когда представился следующий случай поговорить с женой, он произнес:

– Я вовсе не такой холодный и чёрствый человек, как ты думаешь. Просто ты заставляешь меня сдерживать свою тёплую привязанность и не выпускать её наружу, вот я и веду себя так поневоле.

– Но никто не стал бы делать такие злые вещи.

– А разве не ты постоянно так поступаешь?

Жена посмотрела на Кэндзо с упреком. Его логика была ей совершенно непонятна.

– С вашими нервами в последнее время что-то не так. Почему вы не можете наблюдать за мной более спокойно?

В сердце Кэндзо не было места, чтобы прислушаться к словам супруги. Он чувствовал досадную боль от своей неестественной холодности.

– Вы сами мучаетесь, хотя никто ничего не делает, ничего не поделаешь.

Им казалось, что они подобны мужчине и женщине, которые никогда не могут понять друг друга до конца. Потому ни один из них не чувствовал необходимости изменить своё нынешнее поведение.

Новая дополнительная работа, которую взял на себя Кэндзо, не представляла особых трудностей для его учёности или преподавания. Однако ему было жаль времени и усилий, затрачиваемых на неё. Бессмысленная трата времени казалась ему сейчас хуже всего. Он был из тех, кто считает, что должен за свою жизнь что-то завершить, и обязательно.

Когда он заканчивал эту дополнительную работу и возвращался домой, всегда уже смеркалось.

Однажды он, торопя усталые ноги, грубо распахнул решётчатую дверь своего дома. Тогда жена, выйдя из глубины их жилища, едва взглянув на его лицо, сказала: «Этот человек снова приходил». Супруга всегда называла Симадзу «тот человек», так что Кэндзо по её виду и словам почти догадался, кто приходил в его отсутствие. Молча он прошёл в столовую и с помощью жены переделался из европейского костюма в японское домашнее платье.

XXII

Едва он уселся у жаровни и закурил сигарету, как перед ним поставили поднос с ужином. Он тут же задал жене вопрос.

– Принимала его здесь?

Вопрос был настолько внезапным, что та не поняла, о чём он. Немного удивившись, она взглянула на лицо Кэндзо и по тому, как муж ждёт ответа, наконец осознала его смысл.

– Того человека? Но вас же не было дома.

Супруга ответила с таким видом, словно оправдываясь, будто то, что она не пригласила Симадзу в дом, было чем-то неприятным для мужа.

– Не приглашала?

– Да. Только на минутку, у входа.

– Он что-нибудь сказал?

– Заявил: «Я должен был навестить вас давно, но был в разъездах, так что прошу прощения за беспокойство».

Слова «прошу прощения» прозвучали в ушах Кэндзо как насмешка.

– Это он-то в разъездах? Не думаю, что у него есть дела в деревне. Он сказал тебе, куда направлялся?

– Нет, ничего. Только сказал, что его просила приехать дочь, вот он и съездил. Наверное, это дом той госпожи Онуи.

Кэндзо припоминал, что встречал в прошлом мужчину по фамилии Сибано, за которого вышла замуж госпожа Онуи. Его нынешнее место службы он тоже узнал на днях от Ёсиды. Это был какой-то город в районе Тюгоку, где стояла дивизия или бригада.

– Это военный, тот, за кого вышла госпожа Онуи?

Поскольку Кэндзо вдруг замолчал, жена, выдержав паузу, задала такой вопрос.

– Ты хорошо осведомлена.

– Как-то раз я слышала от вашего брата.

Кэндзо мысленно представил образы Сибано и госпожи Онуи, которых видел в прошлом. Сибано был смуглым, широкоплечим человеком, но, судя по чертам лица, должно быть, принадлежал к весьма представительному типу мужчин. Госпожа Онуи же была стройной, статной женщиной, с продолговатым лицом и светлой кожей. В особенности красивыми казались её удлинённые глаза с длинными ресницами. Они поженились, когда Сибано был ещё лейтенантом или даже младшим лейтенантом. Кэндзо помнил, что однажды переступал порог их нового дома. В тот раз Сибано, вернувшись из части,пил охлаждённое сакэ глоток за глотком из западной кружки, стоявшей на краю длинной жаровни. Госпожа Онуи, обнажив белую кожу, поправляла волосы у висков перед туалетным столиком. А тот усердно брал с тарелки и ел суши-нигири, положенные ему как его законная доля.

– Госпожа Онуи, говорят, была очень красива?

– Почему ты спрашиваешь?

– Говорят, ведь была речь о том, чтобы вы на ней женились?

Действительно, был и такой разговор. Когда Кэндзо было лет пятнадцать-шестнадцать, он как-то оставил друга ждать на улице, а сам ненадолго зашёл к Симадзе, и госпожа Онуи, стоявшая случайно на маленьком мостике через грязную канаву у входа и смотревшая на улицу, слегка улыбнулась и кивнула Кэндзо, столкнувшись с ней нос к носу. Его друг, ставший свидетелем этого, был ребёнком, только начавшим изучать немецкий язык, и, поддразнивая его, сказал: «Frau, стоящая у входа, ждёт». Однако госпожа Онуи была на год старше его. Более того, в те времена у Кэндзо не было ни способности различать женскую красоту и уродство, ни симпатий и антипатий. К тому же у него было какое-то странное чувство, похожее на застен-

чивость, которое естественной силой отбрасывало его, желавшего приблизиться к женщине, прочь от неё, словно резиновый мячик. Брак между ним и госпожой Онуи был оставлен как совершенно невозможный, независимо от других осложнений.

XXIII

– Почему же вы не женились на той госпоже Онуи?

Кэндзо вдруг поднял глаза от подноса. Словно человек, внезапно пробуждённый от грёз воспоминаний.

– Это совершенно несущественно. Такие мысли были лишь у Симады. К тому же, я был ещё ребёнком.

– Но она ведь не его родная дочь?

– Конечно, нет. Госпожа Онуи – приёмная дочь госпожи Офудзи. Госпожой Офудзи звали вторую жену Симады.

– Но если бы вы были с той госпожой Онуи, что бы сейчас было?

– Как же я могу знать того, что не произошло?

– Но, возможно, вы были бы счастливее. Чем сейчас.

– Возможно.

Кэндзо стало немного досадно. Жена замолчала.

– Зачем ты спрашиваешь о таком? Бессмысленно.

Жена почувствовала себя будто отчитанной. У неё не хватило смелости преодолеть это.

– В конце концов, я с самого начала вам не нравлюсь...

Кэндзо швырнул палочки и запустил руки в волосы. И принялся усиленно счищать накопившуюся там перхоть.

После этого они занимались каждый своими делами в разных комнатах. Кэндзо, после того как ушёл ребёнок, зашедший поздороваться и посмотреть, в хорошем ли тот настроении, как обычно, читал книгу. Жена, уложив отпрыска спать, принялась за шитье, оставшееся недоделанным.

Разговор о госпоже Онуи снова стал темой между ними через день, и то по случайному поводу.

В тот раз супруга вошла в комнату Кэндзо с открыткой в руке. Передав её мужу, она, вместо того чтобы, как обычно, тут же уйти, уселась рядом с ним. Поскольку Кэндзо, взяв открытку, не спешил её читать, жена, не выдержав, наконец подтолкнула мужа.

– Эта открытка от Хиды.

Кэндзо наконец оторвал взгляд от книги.

– Там говорится, что у него какое-то дело, связанное с тем человеком.

Действительно, на открытке было написано, что он хотел бы встретиться по делу Симады, с указанием даты и времени. Было также вежливо принесено извинение за беспокойство с просьбой о его визите.

– Что бы это могло быть?

– Понятия не имею. Вряд ли это совет. Я ведь совсем не обращался к нему за советом.

– Может, он хочет предостеречь, чтобы вы не общались. Там же написано, что ваш брат тоже будет.

На открытке действительно было написано именно то, о чём говорила супруга.

Увидев имя брата, в голове Кэндзо вновь мелькнула тень госпожи Онуи. Подобно тому, как Симада хотел свести его с этой женщиной и сохранить отношения между двумя семьями, её родная мать, похоже, также питала надежду выдать свою дочь замуж за его брата.

– Если бы наши семьи не были в таких отношениях... Я бы тоже постоянно ходила в дом Кэн-тяна.

То, что госпожа Офудзи говорила ему нечто подобное, оглядываясь назад, было уже в далёком прошлом.

– Но разве госпожа Онуи не была помолвлена с нынешним мужем с самого начала?

– Даже если и была помолвлена, возможно, она хотела бы отказаться, смотря по обстоятельствам.

– А куда же сама госпожа Онуи хотела?

– Откуда мне это знать?

– А как насчёт вашего брата?

– И этого я не знаю.

В воспоминаниях Кэндзо о детстве не было материала, который позволил бы ответить на вопросы жены о чувствах.

XXIV

Вскоре Кэндзо написал ответную открытку, сообщив о своём согласии. И когда наступил назначенный день, он, как и договорились, снова отправился на улицу Цуноморидзака.

Он был человеком чрезвычайно пунктуальным. С одной стороны, его характер был довольно простодушным, с другой – делал его нервным. По дороге он пару раз доставал часы. В самом деле, сейчас ему казалось, что с самого утреннего подъёма и до отхода ко сну, его постоянно преследует время.

По дороге Кэндзо думал о своих трудах. Та работа отнюдь не продвигалась так, как ему хотелось. Стоило ему сделать шаг к цели, как та отдалялась от него ещё на шаг.

Он думал и о своей жене. Её истерия, столь сильная в то время, даже теперь, когда естественным образом ослабла, всё ещё бросала тень тёмной тревоги в его сердце. Он думал и о семье жены. Признаки того, что финансовые трудности, похоже, надвигаются на их дом, стали причиной смутного беспокойства в его душе, подобного качке на лодке.

Ему приходилось думать также о своих сестре и брате, а затем и о Симаде, всё вместе. Среди всеобщего отпечатка упадка и увядания ему приходилось думать и о себе самом, связанном с ними кровью, плотью и общей историей.

Когда он пришёл в дом сестры, его сердце было тяжело. Напротив, его нервы были возбуждены.

– Прощу прощения за беспокойство, – поздоровался Хида. Это не было его обычным обращением с Кэндзо в прошлом. Однако то, что среди меняющихся жизненных обстоятельств лишь этот человек, муж его сестры, сохранил своё превосходство, было для Кэндзо скорее мучительным, чем приятным фактом.

– Я и сам хотел бы зайти, но никоим образом не могу выкроить времени, слишком занят. Вот, например, прошлой ночью я был на дежурстве. И сегодня меня тоже просили подменить, но поскольку у меня договорённость с вами, я кое-как отказался и только что вернулся.

Если слушать молча слова Хиды, то слухи о том, что он содержит какую-то странную женщину по соседству со своим местом работы, кажутся полной ложью.

«Почему же его, человека, не обладающего, если описывать старомодными словами, ни большими познаниями, ни талантами, кроме умения обращаться со счетами, так ценят в нынешней компании?» – такая мысль возникла даже у Кэндзо.

– А сестра?

– Да ещё и Нацу с её обычной астмой...

Сестра, как и сказал Хида, лежала, опершись на валик, положенный на шкатулку для швейных принадлежностей, и тяжело дышала. Растрёпанные волосы показались глазам Кэндзо, заглянувшего в столовую, жалкими.

– Как дела?

Она не могла даже поднять голову прямо и, повернув своё маленькое лицо вбок, посмотрела на Кэндзо. Видимо, усилие, с которым та пыталась поздороваться, сразу же сказалось на горле, и до того относительно спокойный приступ кашля обрушился на неё разом. Кашель шёл без перерыва, один приступ ещё не кончился, как уже надвигался следующий, и даже со стороны было тягостно смотреть на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.